

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140

А. В. Верников¹, А. А. Курьшева²

ПРАВДА ЛИ, ЧТО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ТОРМОЗЯТ РАЗВИТИЕ? (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД)

Выполнен анализ содержания научного и экспертного дискурса по одному из вечных вопросов идеологии и экономической политики – о соотношении между национальной традицией и развитием экономики и технологии. В российских статьях и книгах последних десятилетий по экономике произошла инверсия смыслов из-за социокультурного и политического контекста. Возобладало представление, что и русская православная традиция, и ценности советского периода заведомо непродуктивны, тормозят прогресс и препятствуют развитию технологий. Изучение истории вопроса показало, что ссылки на теоретические и эмпирические изыскания в доказательство ущербности русских культурных традиций в большинстве случаев оказываются фейковыми. Экономическая теория, в частности классический институционализм, не противопоставляла традиционные институты прогрессу технологий; качественные исследования этнологов, антропологов и психологов дают скорее положительную оценку традиционным институтам и институтам жителей России. Ряд авторов видят в традиционных этических нормах и обычаях конструктивный потенциал. Более взвешенное и непредвзятое отношение к национальной экономической культуре ставит под сомнение упорно навязывавшийся нам тезис о необходимости полного перекодирования ценностных установок для ускорения экономического развития.

Ключевые слова: экономическая традиция, обычай, культура, ценностные установки, научный дискурс, экспертный дискурс, институциональная экономическая теория, развитие.

УДК 304.4, 304.9, 316.42, 330.837.1

...Хорошо, кабы нас тогда [в 1812 г.] покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с.

Ф. М. Достоевский. *Братья Карамазовы*

Введение

Соотношение между национальной традицией экономического поведения и развитием технологии – тема безграничная, и дискуссии о сути русской традиции и

---

¹ Андрей Владимирович Верников, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН (117218, РФ, Москва, Нахимовский пр., 32), д-р экон. наук, e-mail: vernikov@inecon.ru

² Анна Александровна Курьшева, старший научный сотрудник лаборатории «Институциональный анализ экономики» Южного федерального университета (344006, РФ, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42), канд. экон. наук, e-mail: vesta11@list.ru

её влиянию на развитие страны идут уже не одно столетие. С другой стороны, в последние три десятилетия научно-экспертный дискурс о традиционных укладах и ценностных установках населения России был тенденциозным. Критиковать и выставить в неприглядном виде ценностные установки, исторически присущие населению страны, стало чуть ли не правилом хорошего тона среди обществоведов, особенно участвующих в международном научном обмене. Любая национальная традиция априори считалась препятствием прогрессу, чем-то безнадежно устаревшим, косным и вредным. Этот тезис иллюстрировался и доказывался в работах эмпирической (на самом деле – квазиэмпирической) направленности, с выборочным привлечением исторического и фольклорного материала и опорой на сомнительную методологию. Психологическая и пропагандистская война против русских традиций и лежащих в их основе ценностей имела целью деморализовать население, задеть его национальное достоинство, переформатировать российскую культуру для сближения (читай – подчинения) с абстрактной западной культурой.

Важно, чтобы не исчез и контрдискурс, подпитываемый интеллектуальными и этическими традициями различных научных школ, в нашем случае – исходного (классического) институционализма. Его представители – Торстейн Веблен, Джон Коммонс, Уэсли Митчелл, Джон Гэлбрейт – критиковали гедонизм, хищничество и стяжательство, справедливо отмечая их негативное влияние на культурное и экономическое развитие.

Разработка альтернативного дискурса, не противопоставляющего национальную традицию развитию экономики и технологий, представляется весьма актуальной. На страницах журнала «Экономическое возрождение России» выступали авторы, считающие, что технологическое развитие страны должно сочетаться (и опираться) с формированием традиционных духовно-нравственных ценностей. Новации в разных сферах, включая экономику и образование, предложено оценивать с точки зрения их влияния на сохранение и защиту традиционных ценностей [1, с. 123, 127]. Продолжая эту линию, мы ставим задачу теоретически обосновать непредвзятое изучение традиционных ценностей в дискурсе экономистов.

«Неправильные» нормы экономического поведения россиян

Современная российская литература по общественным наукам богата на работы, в которых упоминаются русские традиции экономического поведения. Широко применялись и межстрановые, кросс-культурные сопоставления. Под влиянием идеологической и политической доминанты последних тридцати лет типичный дискурс свёлся к высвечиванию черт русской ментальности (элементов «социокультурного кода» и т. п.), которые можно выставить в нелицеприятном свете, распространив на весь народ как некую константу. Многие экономисты приложили усилия к тому, чтобы показать: русские традиции экономического поведения не просто отличаются от традиций «передовых стран» Европы и Америки; они ниже, хуже, менее эффективны и продуктивны, мешают прогрессу и модернизации. Этот тезис доказывался самыми разными (порой весьма изощрёнными и наукообразными) методами, со ссылками на «первоисточники» преимущественно иностранного происхождения, которые при ближайшем рассмотрении тоже оказывались наборами идеологем и этнологическими рассуждениями дилетантского уровня.

Известный и влиятельный российский экономист Е. Г. Ясин полагал, что «[т]радиционные русские ценности во многом привлекательны, но в целом малопро-

дуктивны» [2, с. 3]. «Нестяжательство – ценность непродуктивная, оно подрывает стимулы к труду и бережливости, к предприимчивости, ограничивает потребности. Конечно, оно ограничивает зависть и жадность, облагораживает нравы. Но процветанию не содействует» [2, с. 44–45]³. Оценка русского фольклора, равно как и православно-религиозной этики, под значительным влиянием которой сформировался коллективный этос русского народа в дореволюционную (1917 г.) эпоху, по такой этической шкале давала искомым результат: преобладают непродуктивные ценности. Нестяжательство, заложенное в русском менталитете, должно пагубно сказываться на нашей способности «модернизироваться». Хотя, разумеется, «все культуры равноценны и важны, ... Но не все обладают одинаковыми способностями к развитию» [2, с. 67]. У жителей стран Восточной Азии отмечались трудолюбие, предприимчивость и тяга к образованию. В России же наши экономисты видели разве что «лень, разгильдяйство, нелюбопытство, неумение жить по законам», «неискоренимую склонность к спиритному» [2, с. 67], «неорганизованность», «небрежность, беспечность, безалаберность, неэкономность, ... бездеятельность, леность» [2, с. 43–44], которые парадоксальным образом проистекают от «жизни от земли, продуктов своего труда» [2, с. 44]. А вот «продуктивная система ценностей – преимущество Запада» [2, с. 33]. При отборе десяти наиболее значимых для экономики «традиционных российских ценностей» автор опирался, по его признанию, на «многообразные литературные источники», в числе которых работы В. В. Карачаровского, К. Касьяновой, В. О. Ключевского, И. М. Клямкина, Н. И. Лапина, Н. М. Лебедевой, Н. О. Лосского, И. П. Павлова, А. И. Солженицына, О. И. Шкаратана [2, с. 36–37]. Эпистемологической основой для их классификации и оценки стали разные методики межстрановых сопоставлений ценностей, о которых мы скажем ниже.

Возник заметный дуализм оценок: одни и те же институты квалифицируются как продуктивные применительно к одним странам и как непродуктивные – к другим. Верное следование традициям, культ предков, социальная пассивность, склонность к уравнительности, коллективизм, семейственная преемственность бизнеса, неформальные связи и подобные особенности культуры считаются важными факторами экономического и технического успеха для стран Восточной Азии, прежде всего Китая [3, с. 48–52]. При этом они же объявлялись тормозом прогресса для посткоммунистических стран, прежде всего для России. Если бы на месте России была любая другая страна, то склонность населения к следованию правилам и поддержанию традиций наверняка была бы оценена со знаком «плюс». Ведь сохранившие свои традиции, ценностное и культурное своеобразие страны добились успеха в развитии рыночной экономики [4, с. 24, 127; 5, с. 111]. Но, вероятно, «это другое». Мы уже привыкли.

Сугубо негативная тональность оценок всего русского в текстах видных экономистов и социологов шокирует и даже вызывает сочувствие («не повезло» им с местным населением, да и со страной вообще). Но сейчас речь о традициях и экономическом развитии. Поскольку «незаменимым стимулом к формированию продуктивных ценностей» [2, с. 75] была объявлена конкуренция, а в России её недостаточно, делается вывод: «система ценностей ещё не стала продуктивной» [2, с. 68]; сближению нашей страны с «развитыми странами» мешает «культурный барьер» [3, с. 108].

---

³ Раз нестяжательство ценность непродуктивная, то несложно заключить, что стяжательство – ценность продуктивная.

Аналогичная направленность отличала и ряд международных исследовательских проектов. Среди них проект «Межстрановая и внутристрановая дифференциация ценностей и взглядов», результаты которого представлены в [6]. Авторы одной из работ, частично вошедшей впоследствии в эту книгу, с сожалением констатируют, что российскому народу пока недостаёт «открытости» и до населения развитых стран он недотягивает, потому что здесь сильна противоположная ценность, которая носит название «сохранение» [7]. Согласно методике Ш. Шварца, которой следовали авторы, «открытость» обществ включает, в ряду прочих, такие параметры, как стимулирование (воодушевление, новизна, жизненные вызовы) и гедонизм (собственное удовольствие и чувственное удовлетворение). Противоположная ценность – «сохранение» – операционализируется в том числе через показатели «соответствие правилам, законам и формальным обязательствам», «избегание расстраивания или причинения вреда другим людям», «поддержание и сбережение культурных, семейных или религиозных традиций» [8, 9]. В случае России оценка этих вполне естественных ценностей была, разумеется, отрицательной.

В критике национальной идентичности россиян пригодился и фольклорный материал (пословицы), выборочно и предвзято трактуемый с целью принизить «особенности русского коммуникативного поведения» в сравнении с представителями других народов [10, с. 52–53, 61]. Оценка присущих русской экономической культуре таких черт, как «отношение к труду как единственному источнику преимущественных прав; понимание экономики как принципиально продуктивной, трудовой, а не спекулятивной; безоговорочный приоритет производительного труда, «вторичность» финансовой сферы» [4, с. 29–30], почему-то сопровождается намёком на их необычность и странность. Осуждение собственности, полученной несправедливым путём, «высокая способность к самоограничению, отсутствие экспансии потребительства» расценены как «своеобразное отношение к богатству» [4, с. 31]. Заметим, что очень похожее «своеобразие» присуще основным мировым религиям (кроме, возможно, одной). Впрочем, рассуждение о том, что больше соответствует «особенностям экономической ментальности» граждан России, сводилось к выбору между моделью «протестантского» и «конфуцианского» капитализма [11, с. 43], а православие почему-то опцией не считалось. Рост доли верующих назван барьером для модернизации России [12, с. 26], а то и просто ассоциируется с неграмотностью [13, с. 135].

Негативная оценка потенциала традиционных ценностей в позднесоветском и постсоветском научно-экспертном дискурсе подводила к простому умозаключению: раз «культурный код» (он же «социокультурный код», он же «социально-экономический генотип»⁴) русского народа несовершенный и ущербный, то нужно исправить его, скорректировать, модернизировать. Речь шла о тех элементах культуры и этики, которые мешают развитию капитализма в стране (какого именно капитализма – это тема для отдельной статьи). Значит, нужна особая культурная политика по искоренению традиционных норм и ценностей [7, 12, 17, 18]. Ведь «модернизация должна заниматься не только “железками”, но затронуть институты и культуру», и поэтому

---

⁴ У одного из авторов встречается критика понятия культурного кода за холистический и детерминистский подход, с которым оно ассоциируется [14], хотя буквально годом ранее тот же автор не имел ничего против социально-экономического генотипа [15]. Если холизм мы считаем верным методологическим принципом, то оправданность биологизма (позаимствованной из области эволюционной биологии метафоры [16]) «генотип» или «код» неочевидна.

«[х]арактерные для России институциональные и культурные препятствия переходу к инновационной стадии развития» [3, с. 107, 112] подлежат переформатированию. Задачей «механизма социокультурной модернизации» виделось «разложение традиционалистских норм и ценностей», поскольку «автоматического “одномоментного” разрушения традиционной для России системы норм» не произошло [12, с. 32–33].

По сей день продолжают рассуждения о «социокультурной отдалённости России от других стран» [19, с. 164–165], из-за чего «ожидания ряда российских исследователей увидеть коренные изменения в ценностях россиян со сменой поколения пока не оправдались, причём нет никаких оснований полагать, что это может произойти в обозримом будущем» [5, с. 110–111]. Видимо, такие ожидания существовали у тех, кто высшим благом и самоцелью для любой нации видит развитие капитализма, или включение в «глобализацию», или финансовое развитие, или рост иностранных инвестиций, или что-то подобное. Мешающие этому ценности и институты традиционного сообщества, особенно не-европейского и аграрного, объявляются (иногда со ссылкой на Торстейна Веблена!) «церемониальными», что неявно придаёт им отрицательную коннотацию. Хотя, если посмотреть на эти же самые институты с другой точки зрения, то они как раз способствуют сохранению местного хозяйственного уклада и развитию производительных сил в данном регионе, а значит, и выживанию данного сообщества. А Веблен писал о традиционных институтах другое, о чём чуть ниже.

Парадоксальным образом, объявление «идеологии», т. е. ценностных установок и этики, вне поля экономической науки не означало самоустранения экономистов от их перекраивания по лекалу оценочных подходов западных и прозападных авторов. В теоретических исследованиях тот или иной тезис просто декларировался с высокой степенью категоричности как самоочевидный, иногда со ссылкой на мнения других авторов. Содержание самих «модернизационных» процессов и специфика «инноваций» даже не всегда подвергались анализу. Нередко авторы тиражировали клише о «модернизации старых и создании новых институтов» [20, с. 61] без отсылки к фактическому материалу, не пытаясь непредвзято изучить и осмыслить традиции, влияющие на экономическое поведение.

Можно представить две версии, почему российские учёные следовали этому дискурсу и воспроизводили его: (1) личные убеждения и этическая позиция; (2) конформизм, «стадное чувство», интеллектуальная мода, отсутствие самостоятельной рефлексии, давление со стороны авторитетных учёных и учреждений высшего образования.

Для работ на стыке психологии, этнологии, антропологии характерно понимание «конъюнктурных мотив[ов] негативного отношения к России и русским» [21, с. 136], проникшего в том числе в академическую среду западных стран. Это неудивительно, поскольку оправдание институционального порядка держится на продвижении тех или иных императивов, попытке их укоренения и легитимации в общественном сознании [22, pp. 79, 111]. В нашем случае имеется в виду постсоветский период «трансформации прежней системы в свою логически и идеологически полную противоположность» [23, с. 132].

Чтобы утвердить читателя в том, что все нынешние недостатки идут из глубины веков, широко задействуется авторитетная в научных кругах концепция *path dependence* (зависимость от предыдущего пути развития, «эффект колеи»): «недостатки [русских норм и ценностей – А. В., А. К.] изживаемы, они в основном резуль-

тат складывавшихся в прошлом отношений и институтов, их архаичности»; «традиция возобладала» [2, с. 68, 70].

На наш взгляд, своеобразной колеёй стала в научной литературе сама новая традиция самобичевания и признания любых российских институций какими-то не такими. Этот стереотип навязывался с 1990-х гг., чтобы ослабить в общественном сознании отторжение наблюдаемого повсеместно грабежа, несправедливости, беззакония, нетрудового обогащения, финансовых спекуляций и аналогичных атрибутов «дикого» капитализма. В этом же русле действовало «интенсивное “прокачивание” либеральной идеологии с её постулатами о свободе индивида и необходимости полагаться на собственные силы, частной собственности как столпе общественного устройства и предпринимательстве как пути к благополучию» [24, с. 60].

Характерно, что многие работы, посвящённые заведомо проигрышному сопоставлению российских традиций с зарубежными, принадлежали перу академических экономистов и социологов, не отметившихся глубокими исследованиями в антропологии, этнологии, социальной психологии и аналогичных дисциплинах. Вместо своих эмпирических данных они обычно ссылаются на зарубежные методики и межстрановые исследования под эгидой международных организаций, имеющих специфическую миссию и политику.

Были и объективные, вполне материальные факторы, повлиявшие на распространение отрицательного отношения к собственным экономическим традициям в работах российских экономистов. На финансовую поддержку разного рода зарубежных фондов и российского государства могли рассчитывать только те исследования, которые вписывались в повестку дня, а она на протяжении долгого времени предписывала преодоление и ломку собственных национальных традиций. Даже нейтральные «позитивные» исследования вынуждены были адаптироваться и мимикрировать под господствовавшие русофобские квазитеоретические построения.

Традиция и модернизация: теория вопроса

Посмотрим, откуда взялся модернизационный дискурс в отношении традиций, отголоски которого есть в любой из процитированных выше статей. Ориентировочно в середине XX в. чрезвычайную популярность приобрела теория модернизации. Её отличали абсолютизация положительного влияния на экономический рост и развитие тех норм и ценностей, которые сопровождали интенсивное развитие торговых связей и экономический рост в западных странах. В типичном дискурсе о модернизации противопоставлялись не просто «традиционные» (преимущественно аграрные) и «современные» (промышленно развитые) общества – сама традиция оказалась синонимом отсталости и барьером для развития [25; 26, с. 26–29]. В частности, экономисты и социологи стали широко применять для межстрановых и межкультурных сопоставлений методические подходы Р. Инглхарта и К. Вельцеля, Г. Хофстеде, Ш. Шварца. Следуя ценностной шкале Инглхарта – Вельцеля, они противопоставляли традиционные ценности секулярно-рациональным, а ценность выживания – ценности самовыражения [27, pp. 552–555]. В рамках методики Г. Хофстеде индикаторы долгосрочной и краткосрочной ориентации почему-то разъяснялись как настойчивость и бережливость на одном полюсе, а «уважение к традициям, сохранение “лица” и выполнение социальных обязательств» – на втором, соответственно [28, р. 8]. Параметр снисходительности, или терпимости, означал, что в «модернизированном» обществе допускается «относительно свободное удовлетворение некоторых желаний и чувств,

особенно тех, которые связаны с досугом, развлечениями с друзьями, расходами, потреблением и сексом». В противоположность ему «сдержанность характеризует общество, которое контролирует такое удовлетворение и где люди чувствуют себя менее способными наслаждаться жизнью» [28, р. 9]. А единственной нацией и единственной страной с сильной базовой ценностью *Mastery* (то ли совершенствование в овладении мастерством в профессиональном занятии, то ли претензия на господство), по Шалому Шварцу, некоторые составляющие методики которого мы привели в предыдущем разделе, значатся еврейский народ, населяющий Израиль, и Соединённые Штаты Америки [29, р. 558].

Применяя эти концепции для обоснования необходимости «модернизации» в России, наши коллеги шли по пути инверсии смыслов, заложенных более ста лет назад рядом других учёных.

Для социологической традиции характерно понимание значимости обычая для сохранения идентичности и воспроизведения сообщества и роли языка в этом процессе [22]. В ряде случаев институции, которые принято воспринимать церемониальными, обрядовыми⁵, в действительности выполняли инструментальные функции, связанные с самим существованием сообществ [31]. Например, Эмиль Дюркгейм [32] подчёркивал, что такую функцию выполняет религия, способствуя сплочению людей в группы. Зигмунд Фрейд видел инструментальность религии в её способности ограничивать врождённые склонности насильственного и сексуального характера, приписываемые Фрейдом человеческой природе, что являлось необходимым для облегчения группового проживания и обеспечения сохранности группы [33]. Ряд традиций на самом деле не такие уж древние, а были изобретены и осознанно «опривычены» среди населения по историческим меркам относительно недавно, в том числе в социальных и политических целях – для распространения тех или иных ценностей [34].

Такие стороны экономического поведения человека, как гедонизм, хищничество и стяжательство, рассматривались как негативные для долгосрочного культурного и экономического развития самыми разными авторами [35–37]. Ниже мы сосредоточимся на значимости идей представителей институционального направления в контексте рассматриваемой проблематики.

Представители институциональной экономики (начиная с Торстейна Веблена) связывали предмет экономической науки с факторами человеческой культуры. В рамках вебленовской этики речь не шла о том, чтобы противопоставить обычай и технологию на категориальном или событийном уровне. Одни нормы поведения продуктивны (разумное использование имеющихся материалов, трудолюбие, совершенствование способа производства для целей, связанных с выживанием сообщества, бережливый расход ресурсов в интересах сыновнего поколения) и, будучи опривычены сообществами, ведут к материальному благополучию и культурному росту [38]. Подчёркивалась роль традиции, обычая для передачи технологических знаний [38, pp. 38–39]. Противоположные обычаи (расточительство, стяжательство, праздность, гедонизм, ориентация на внешнюю оценку в потреблении и тратах) непродуктивны.

Согласно институциональному подходу, «рациональность, как правило, выражается в сознательном следовании какой-либо общепринятой практике, эффективность которой подтверждена на опыте. Однако сама такая практика характеризуется

---

⁵ Можно встретить характеристику православия как магически-традиционного, ритуального и мистического [30].

как рациональная, и год от года её рациональность возрастает благодаря техническому прогрессу в промышленной и коммерческой сферах» [39, с. 97]. Никак не мешал развитию технологии свод правил целесообразного поведения или высших достижений прагматичного знания, накопленного сообществом в ходе эволюции, содержащий «поучительные призывы к бережливости, благоразумию, сдержанности, практическому управлению» [40, р. 9]. Таким образом, институциональная идея состоит в том, чтобы изучить, какие именно обычаи, отражаясь на институциональном устройстве, приводят к тому или иному результату в плане развития общества.

Оценка Вебленом институций, служащих денежной культуре, как непродуктивных, обрядовых и церемониальных связана с ориентацией на хищнические, корыстные экономические интересы, повышение доходности бизнеса в ущерб материально-вещественным показателям работы, с приоритетом сбыта и торговли в ущерб мотивации технологического совершенствования [38, 41]. Торстейн Веблен считал, что мораль денежной конкуренции противоположена христианской морали [42]. Нормы естественного права, которые постепенно стали выдавать за всеобщие универсальные законы и основу для экономической политики западных стран, соответствовали рыночным отношениям, сопровождавшим развитие технологии ремесленничества, правил мелкой торговли. В тех условиях принципы честной игры, доброкачественность производимой продукции, неприкосновенность собственности, императив распоряжения деньгами по собственному усмотрению были лучшей политикой. Всё поменялось «с тех пор, как бизнес приобрёл характер безличного, бесстрастного, чтобы не сказать безнравственного, инвестирования денег для получения прибыли» [42, с. 177–178]. Видимо, Веблен имел в виду, что прежние правила в новых условиях способствуют хищнической эксплуатации, истощению ресурсов в глобальном масштабе, потребительству, культурной деградации. Последователей Веблена беспокоила опасность корпоративного тоталитаризма, к которому может привести беспрецедентное расширение сферы влияния и власти корпоративных организаций в США [43, pp. 324–325]. В ситуации, когда религиозные, образовательные, научные, политические, правительственные и военные институты подчинены корпорациям, технологический процесс нарушается и приобретает существенно иную направленность (ориентации на защиту корпоративного капитала).

То, что впоследствии стали называть неоклассической экономической теорией, прямо характеризовалось Уэсли Митчеллом и Джоном Коммонсом как «гедонистическая теория» [39, 44, 45]. А одну из основополагающих заповедей, на которой эта теория построена, – индивидуализм, Веблен называл не чем иным, как эгоцентризмом, эгоистическим мировоззрением [42, с. 173].

В контексте данной статьи подчеркнём, что Веблен не противопоставлял традицию технологии и не давал отрицательных характеристик национальным институтам и ценностям как таковым. Это уже стало результатом произвольного толкования идей Веблена его последователями и интерпретаторами [46, 47], которые сделали акцент на «техническом прогрессе». С подачи другого видного институционалиста – Кларенса Эйрса – технологические изменения стали считаться заведомо прогрессивными, морально оправданными и полезными для общества, тогда как традиционные уклады, нормы и ценности начали восприниматься как церемониальные, т. е. отжившие и препятствующие желанным переменам [46, 48–51]. Несмотря на то, что Эйрс в этом вопросе чётко дистанцировался от Веблена [48, pp. 36–37], в научном дискурсе

(и далеко не только русском) со временем утвердилось отождествление взглядов этих довольно разных авторов [52].

Таким образом, констатация эмпирического наблюдения о том, что, как правило, технологическую модернизацию и экономический рост ряда обществ сопровождают определённые изменения в ценностных установках населения, заложила основу для тенденции определять по этим ценностям степень модернизации страны. Речь не шла о том, чтобы попытаться охарактеризовать новые нормы с точки зрения их воздействия на дальнейший прогресс и вообще на судьбу человечества. Нравственной составляющей технологической и экономической модернизации экономисты мало интересовались. В постсоветскую эпоху эта «интеллектуальная мода» проникла и стала задавать тон в России.

Конструктивный потенциал национальной традиции

Определённые поведенческие установки и ценностные ориентиры помогали русскому народу выживать и сохранять свою идентичность на протяжении веков. Обратимся к учёным, которые опираются на эмпирический материал и помещают данную проблематику в исторический, социальный и культурный контекст.

Ряд отечественных авторов находят в традициях и нравственных ориентирах конструктивный потенциал, скорее необходимый здоровому прогрессу, а не противоречащий ему. Как правило, способствуют этому соблюдение стандартов, характерных для качественного исследования, достаточный размер выборки, как можно более непредвзятый анализ текстового материала, когда исследователь не притягивает факты, подстроив их под свои априорные ценностные суждения.

Элементы русской народной экономической культуры при более детальном подходе оказываются основанными на принципах самоограничения и самообеспечения, т. е. жизни по средствам, в плане как ведения предпринимательской деятельности [53], так и личного потребления, расходования, заимствования и одалживания [54]. Можно сказать, что императив финансовой устойчивости в традиционной культуре русского предпринимателя на уровне формально закреплённого кодекса сочетался с моральными ценностями, включая честь, долг, отрицание стяжательства, финансовых махинаций, невыполнения договорных обязательств, неуплаты налогов, своекорыстия в ущерб другим и иных форм нечестного поведения [53]. Статья А. В. Горшкова подводит читателя к логическому выводу: вряд ли есть нужда переформатировать эти принципы со сменой технологических укладов [53, с. 28]. Нормативная этика середины XIX в., воплощённая в русских пословицах и поговорках, поощряла личную ответственность, умение жить по средствам, опираться на свои силы, оставаться в границах в плане потребления и трат. Осуждались и высмеивались мотовство, расточительство, чрезмерное потребление, показные траты [54]. Непонятно, почему мы должны считать эти ориентиры непродуктивными и архаичными. Они во многом созвучны продвигаемой сегодня межстрановой повестке устойчивого развития и смежным концепциям. К сожалению, по нашим расчётам, более 96 % дореволюционных пословиц, содержащих нормативные призывы к трудолюбию, добросовестной работе, развитию мастерства, рачительному ведению хозяйства, остаются сегодня незамеченными [55].

Положительная роль в раннеиндустриальном развитии России приписывается аскетизму, трудолюбию и предприимчивости старообрядцев, а также поморов и казаков-первопроходцев [56, pp. 17–18]. Трудовая этика старообрядцев не раз становилась объектом исследовательского интереса для демонстрации того, как рачительное

ведение хозяйства и успех торгового дела могут быть обеспечены одновременно с ограничением хищнических мотивов [21, 57]. Что касается православных норм, регулирующих хозяйственную деятельность, здесь также прослеживается лейтмотив самообеспечения хозяйства, а труд не просто является естественным состоянием человека: отказ от труда – это грех, который ведёт к нравственной деградации [58, с. 158]. Примеры изучения крестьянского дискурса показывают неразрывную связь обеспеченной жизни с трудом, ремесленной деятельностью [59, с. 105–106]. Встречаются работы, акцентирующие практическую значимость народных изречений, в частности, касающихся практики налогообложения: «при инвариантности поведения необходимо поступать так, как учат мудрые пословицы и поговорки. Отдельный человек может ошибаться, народная мудрость обобщает эти ошибки, оберегает от них. Иначе говоря, сомневаешься, поступи согласно пословице и поговорке, не ошибёшься» [60, с. 92]. Моральные нормы в определённом смысле могут обладать большей легитимностью, чем правовые, ведь их источником является само общество.

Утверждается, что «в обыденном, прагматическом поведении народа» заложены «рациональные элементы», которые передавались от поколения к поколению «традиционно-опытным путём» [61, с. 107]. Обоснована преемственность между современными тенденциями обращения с финансами и опытом, представленным в пословицах и поговорках XIX в., который можно грамотно использовать для укрепления института семьи [62]. Отмечается, что даже пословицы и поговорки, вышедшие из активного употребления в наши дни, «не утратили своей эпистемологической ценности»: «*Felix, qui nihil debet*» – «Счастлив тот, кто ничего не должен». Это латинское изречение особенно актуально в наше время, когда долг стал не только формой бытовой услуги в структуре межличностных отношений, но и изощённым финансовым механизмом общественной манипуляции» [63, с. 68].

Культурные традиции, включая трудовую, хозяйственную этику, рассматриваются как фундамент, на котором можно построить успешное предпринимательство народа саха, не разрушая укоренённые ценности, а культивируя их, подобно тому, как это было в азиатских странах – Корее, Японии, Сингапуре: «И на современном этапе развития Якутии становится особенно важным: во-первых, не утратить традиционные ценности народа (трудолюбие, предприимчивость), способствующие развитию предпринимательства и самозанятости в новых условиях рыночной экономики; во-вторых, способствовать их передаче следующим поколениям путём приобщения к богатой национальной культуре; в-третьих, расширять границы профессиональной деятельности якутского народа для повышения конкурентоспособности в новых реалиях и с учётом требований, выдвигаемых мировым хозяйством» [64, с. 55].

Методом интервьюирования представителей сообществ любителей фольклора выявлено, что с помощью культурных традиций можно содействовать развитию популярных принципов социальной инклюзии, т. е. социокультурной интеграции уязвимых групп населения [65].

Становится понятнее тезис о том, что новации надлежит проверять на соответствие традиционным ценностям [1], а не принимать слепо, без рефлексии и тем более не объявлять курс на их «модернизацию» без оглядки на её последствия. Ведь изменение и технологическое совершенствование средств производства и предметов потребления не должны становиться самоцелью развития и подчинять основополагающие принципы ведения хозяйственной деятельности. В равной степени абсурдна попытка измерить по лекалу «инновационности» все сферы общественной жизни. Не зря

А. И. Амосов обращает внимание на то, что «ускорение революционных преобразований и «инноваций» в семейных отношениях в конечном итоге несёт опасность деградации как семей, так и цивилизаций и в целом всего человечества» [66, с. 52]. Анализируя переход от традиционного семейного воспитания к институтам школьного и высшего образования и воспитания, автор отмечает, что человечество не только приобрело, но и «утратило нечто ценное из традиционного цивилизационного опыта подготовки к жизни новых поколений. Обнаружилось, что далеко не все нововведения, пришедшие на смену цивилизационному семейному воспитанию детей, способствуют воспитанию физически и духовно здоровых новых поколений» [66, с. 59].

Заключение

Одна из особенностей научного и экспертного дискурса последних десятилетий в России – продвижение нарратива о несостоятельности и непродуктивности русских ценностей и культурных традиций, в частности экономического поведения. Раз за разом вбрасывались идеи «исправления», «модернизации» и «перекодирования» ценностных установок в направлении «открытости» финансовому капитализму, без чего якобы нереально выйти на уровень эффективности и благосостояния промышленно развитых стран Запада. Непродуктивные в долгосрочной перспективе установки (стремление к удовольствию, пренебрежение к традиции, соревновательность в потреблении и тратах, жизнь в долг, безудержное потребительство) выдавались за продуктивные, и наоборот: консервативные ценности и институты дискредитировались как «церемониальные». Произошла инверсия смысла. Она не просто проникла в дискурс академических экономистов и социологов, а в значительной степени сформировалась внутри него. Внутри сообщества преимущественный доступ к ресурсам получили те, кому «не повезло со страной» и чья интеллектуальная и мировоззренческая позиция состояла в том, что в России всё своё никуда не годится и неперспективно в чисто экономическом плане, поэтому надо перейти на европейские и американские институты. «Совсем даже были бы другие порядки-с», по выражению одного из антигероев Достоевского.

Интеллектуальная смердяковщина многим уже изрядно надоела; реализация этих идей не вывела страну на путь устойчивого поступательного развития. Сегодня важно найти и сформировать альтернативный дискурс(ы). Например, переместить фокус на позитивные исследования российских институций и институтов, которые помогали народу выживать и сохранять свою идентичность на протяжении веков. Здесь пригодятся идеи мыслителей прошлого, призывавших не отвергать традицию и тем более не подавлять её и видевших в нравственном самосовершенствовании личности обязательное условие прогресса. Плодотворными могут оказаться этические и методологические подходы «классических» институционалистов прошлого века, например эволюционная теория Торстейна Веблена. Согласно ей, традиция может стать опорой для роста технологического мастерства, а оценивание и традиции, и технологии происходит с учётом конкретных социально-культурных условий и связывается с долгосрочным развитием общества и сохранением его идентичности. Заслуживает дальнейшей проработки вопрос: какие из наших традиций (возможно, присущих не всему этносу в целом, а отдельным субэтносам) сохраняют актуальность и конструктивный потенциал, чтобы их возрождать и развивать. В частности, это касается изменения культуры потребления и повышения финансовой устойчивости домашних хозяйств, поощрения продуктивных видов занятости и получения дохода.

Список литературы

1. Романов, Е. В. Ценностные основания стратегии экономического развития России / Е. В. Романов // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 3. – С. 119–138. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-119-138.
2. Ясин, Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей / Е. Г. Ясин. – М.: ГУ – ВШЭ, 2003.
3. Ясин, Е. Г. Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры / Е. Г. Ясин, М. В. Снеговая⁶. – М.: Издат. дом ГУ–ВШЭ, 2009.
4. Архипов, А. Ю. Экономическая культура / А. Ю. Архипов, Т. А. Зотова, О. В. Евграфова, В. К. Королев. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2006.
5. Латова, Н. В. Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность / Н. В. Латова // Terra Economicus. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 99–114. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114.
6. Harrison, L., Yasin, E. (Eds.) (2015) Culture Matters in Russia and Everywhere. London: Lexington Books.
7. Магун, В., Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 г.) / В. Магун, М. Руднев // Вопросы экономики. – 2010. – № 12. – С. 107–130. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-12-107-130.
8. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S. (2008) Bringing Values Back In: The Adequacy of the European Social Survey to Measure Values in 20 Countries. Public Opinion Quarterly, 72(3), pp. 420–445.
9. Sagiv L., Schwartz S. (2022) Personal Values Across Cultures. Annual Review of Psychology, 73(1), pp. 517–546.
10. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Флинта: Наука, 2006.
11. Латова, Н. В.. Российская экономическая ментальность на мировом фоне / Н. В. Латова, Ю. В. Латов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 4. – С. 31–43.
12. Тихонова, Н. Е. Динамика социокультурной модернизации в России / Н. Е. Тихонова // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 24–34.
13. Тихонова, Н. Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ / Н. Е. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 134–149.
14. Тамбовцев, В. Л. Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях / В. Л. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 85–106.
15. Тамбовцев, В. Л. Понятие социально-экономического генотипа и современные исследования в сфере менеджмента / В. Л. Тамбовцев // Российский журнал менеджмента. – 2014. – Т. 12, № 2. – С. 117–132.
16. Фролов, Д. П. Метафоризм институционализма: физикализм vs биологизм / Д. П. Фролов // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11, № 3. – С. 34–51. DOI: 10.24412/2410-4531-2013-3-34-51.
17. Майминас, Е. З. Социально-экономический генотип общества (1989) / Е. З. Майминас // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2016. – № 4. – С. 186–204.

⁶ Включена Минюстом России в число иноагентов.

18. *Ивашковский, С. Н.* Экономика и этика: история непростых взаимоотношений / С. Н. Ивашковский // Экономическая политика. – 2011. – № 3. – С. 114–141. EDN: NULJZL
19. *Данилов, Ю. А.* Типы капитализма / Ю. А. Данилов // Журнал НЭА. – 2023. – № 3. – С. 150–170.
20. *Игнатова, Т. В.* Институциональные концепции экономического роста и их модернизации / Т. В. Игнатова, Т. П. Черкасова // Государственное и муниципальное управление: Учёные записки СКАГС. – 2011. – № 2. – С. 57–67.
21. *Карнышев, А. Д.* Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты / А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова, О. А. Карнышева. – М.: Институт психологии РАН, 2017.
22. *Berger, P., Luckman, T.* (1991) *The Social Construction of Reality*. London: Penguin Books.
23. *Корытцев, М. А.* Потребность в альтернативе / М. А. Корытцев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Т. 3, № 2. – С. 132–135.
24. *Радаев, В. В.* Уроки «финансовых пирамид», или Что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении / В. В. Радаев // Мир России. Социология. Этнология. – 2002. – Т. 11, № 2. – С. 39–69.
25. *He, Ch.* (2012) *Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement*. Berlin; Heidelberg: Springer.
26. *Заостровцев, А. П.* Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? / А. П. Заостровцев. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
27. *Inglehart, R., Welzel, C.* (2010) *Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy*. *Reflections*, 8(2), pp. 551–555.
28. *Hofstede, G., Minkov, M.* (2013) *The Values Survey Module 2013 (VSM 2013)*. Manual. URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (Access date: 16.12.2023).
29. *Schwartz, S.* (2014) Chapter 20 – National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // V. Ginsburgh, D. Throsby (Eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture*. Elsevier, 2, pp. 547–586.
30. *Buss, A.* (1989) *The Economic Ethics of Russian-Orthodox Christianity: Part 1*. *International Sociology*, 3, 235–258.
31. *Powell, J.* (2023) *The Instrumentality of Ceremonial Habits of Thought*. *Journal of Economic Issues*, 57, 2, pp. 423–431.
32. *Дюркгейм, Э.* Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: антология. – М., 1998.
33. *Freud, S.* (1927) *The Future of an Illusion*. In: *The Freud Reader*, P. Gay (Ed.). New York: W. W. Norton & Company, Inc., pp. 685–722.
34. *Hobsbawm, E.* (2000) *Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914*. In: *The Invention of Tradition*, E. Hobsbawm, T. Ranger (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, pp. 263–309.
35. *Veblen, T.* (1922) *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N.Y.: B. W. Huebsch.
36. *Galbraith, K.* (1973) *Economics and the Public Purpose*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
37. *Tawney, R.* (2010) *The Acquisitive Society*. New York: Harcourt, Brace and Company.
38. *Veblen, T.* (1918) *The Instinct of Workmanship*. N.Y.: B. W. Huebsch.

39. *Mitchell, W.* (2010) The Rationality of Economic Activity (Continued). *Terra Economicus*, 8(1), pp. 96–108. DOI: 10.24412/2073-6606-2010-1-96-108.
40. *Veblen, T.* (1961) The Place of Science in Modern Civilisation // *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen*. N.Y.: Russel & Russel, pp. 1–31.
41. *Veblen, T.* (1904). *The Theory of Business Enterprise*. New York: Charles Scribner's Sons.
42. *Веблен, Т.* Христианская мораль и конкурентная система. Идеи и идеалы / Т. Веблен. – 2015. – № 7 (4.1). – С. 167–178.
43. *Waller, W.* (1987) Ceremonial Encapsulation and Corporate Cultural Hegemony. *Journal of Economic Issues*, 21(1), pp. 321–328.
44. *Митчелл, У.* Рациональность экономической деятельности / У. Митчелл // *Terra Economica*. – 2009. – Т. 7, № 4. – С. 80–88. DOI: 10.24412/2073-6606-2009-4-80-88.
45. *Коммонс, Дж.* Институциональная экономика / Дж. Коммонс // *Terra Economicus*. – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 69–76. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-3-69-76.
46. *Latsis, J.* (2010) Veblen on the Machine Process and Technological Change. *Cambridge Journal of Economics*, 34 (4), pp. 601–615.
47. *Waller, W.* (2022) Institutions, Technology, and Instrumental Value: A Reassessment of the Veblenian Dichotomy // *Institutional Economics*, Ch. Whalen (Ed.). *Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Routledge, pp. 19–48.
48. *Ayres, C.* (1935) *The Gospel of Technology // American Philosophy Today and Tomorrow*, H. Kallen, S. Hook (Eds.). New York: Lee Furman, pp. 25–44.
49. *Ayres, C.* (1946) *The Divine Right of Capital*. Boston, MA, Houghton Mifflin.
50. *Ayres, C.* (2021) *The Theory of Economic Progress. A Study of the Fundamentals of Economic Development and Cultural Change*. Association for Evolutionary Economics.
51. *Mayhew, A.* (1998) On the Difficulty of Evolutionary Analysis. *Cambridge Journal of Economics*, 22, pp. 449–461.
52. *Верников, А. В.* (2024). От теории к эмпирике и обратно: недоразумение вокруг «дихотомии Веблена» / А. В. Верников, А. А. Курышева // *Russian Journal of Economics and Law* (в печати). DOI: 10.13140/RG.2.2.11522.45763/6.
53. *Горшков, А. В.* Русские пословицы и поговорки как выражение национальной экономической культуры // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2011. – № 36. – С. 28–30.
54. *Верников, А. В.* Отношение к жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках / А. В. Верников, А. А. Курышева // *Экономическая социология*. – 2023. – Т. 24, № 3. – С. 33–57.
55. *Верников, А. В.* Русская традиционная экономическая культура с точки зрения концепции Веблена о поведенческих установках / А. В. Верников, А. А. Курышева // *Препринт ResearchGate № 373092979*. – 2023b. DOI: 10.13140/RG.2.2.20519.11683/4.
56. *Treivish, A.* (2023) Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space. *Regional Research of Russia*, 13(1), pp. 6–33.
57. *Расков, Д. Е.* Экономические институты старообрядчества / Д. Е. Расков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012.
58. *Забаяев, И. В.* Мотивация хозяйственной деятельности в этике русского православия / И. В. Забаяев // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2007. – № 1. – С. 149–160.

59. *Виноградский, В. Г.* Крестьянские устные повести: опыт дискурсивного чтения / В. Г. Виноградский // Мир России. – 2018. – Т. 27, № 1. – С. 90–113.
60. *Махрова, М. В.* Налоги в русских пословицах и поговорках / М. В. Махрова, В. П. Кузнецов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 11. – С. 88–92.
61. *Верховин, В. И.* Модели экономического поведения и их вербализация в русском народном фольклоре / В. И. Верховин // Мир России. Социология. Этнология. – 2001. – Т. 10, № 1. – С. 106–124.
62. *Круглова, Е. Л.* Экономические стереотипы российских семей через призму пословиц и поговорок / Е. Л. Круглова // Социодинамика. – 2023. – № 7. – С. 30–41.
63. *Карачина, О. Е.* Долг в русских и английских паремиях / О. Е. Карачина // Национальная ассоциация учёных. – 2015. – № 6-3. – С. 67–70.
64. *Местникова, А. Б.* Этнокультурные аспекты предпринимательства и занятости населения в Республике Саха (Якутия) / А. Б. Местникова // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 47–69. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3/26592608.html> (accessed on November 26, 2023).
65. *Кононенко, Р. В.* Традиция как инклюзия. Ресурсы социокультурной интеграции в народной культуре / Р. В. Кононенко // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 573–590.
66. *Амосов, А. И.* Россия перед вызовами истории: поиск ответов / А. И. Амосов // Экономическая и технологическая модернизация России: уроки истории и современные вызовы. Памяти Д. Е. Сорокина / ред. Н. Ю. Ахапкин. – М.: ИЭ РАН, 2022. – С. 51–72.

References

1. Romanov E. V. (2023) Tsennostnyye osnovaniya strategii ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Value Foundations of Russian Economic Development Strategy]. *Economic Revival of Russia*, 3, pp. 119–138. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-119-138.
2. Yasin E. G. (2003) *Modernizatsiya ekonomiki i sistema tsennostey* [Economic Modernization and the System of Values]. Moscow: HSE Publishing House.
3. Yasin E. G., Snegovaya M.V.⁷ (2009) *Tektonicheskiye sdvigi v mirovoy ekonomike: chto skazhet faktor kul'tury* [Tectonic Shifts in the Global Economy: What Will the Cultural Factor Say?]. Moscow: HSE Publishing House.
4. Arkhipov A. Y., Zotova T. A., Evgrafova O. V., Korolev V. K. (2006) *Ekonomicheskaya kul'tura* [Economic Culture]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishing House.
5. Latova N. V. (2022) *Sotsiokul'turnyye tsennosti rossiyskikh gorozhan: modernizatsiya vs traditsionnost'* [Socio-Cultural Values of Russian City Dwellers: Modernisation vs Traditionalism]. *Terra Economicus*, 20(4), pp. 99–114. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114.
6. Harrison L., Yasin E. (Eds.) (2015) *Culture Matters in Russia and Everywhere*. London: Lexington Books.
7. Magun V., Rudnev M. (2010) *Bazovyye tsennosti rossiyan i drugikh yevropeytssev (po materialam oprosov 2008 goda)* [Basic Human Values of Russians and Other Europeans (The Re-

---

⁷ Включена Минюстом России в число иноагентов / Included in the Registers (lists) of foreign agents maintained by the Ministry of Justice of the Russian Federation.

sults of 2008 Surveys)]. *Questions of Economics*, 12, pp. 107–130. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-12-107-130.

8. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S. (2008) Bringing Values Back In: The Adequacy of the European Social Survey to Measure Values in 20 Countries. *Public Opinion Quarterly*, 72(3), pp. 420–445.

9. Sagiv L., Schwartz S. (2022) Personal Values Across Cultures. *Annual Review of Psychology*, 73(1), pp. 517–546.

10. Prokhorov Y. E., Sternin I. A. (2006) *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* [The Russians: Communicative Behavior]. Moscow: Flinta: Nauka Publ.

11. Latova N. V., Latov Y. V. (2001) Rossiyskaya ekonomicheskaya mental'nost' na mirovom fone [Russian Economic Mentality Against the Global Background]. *Social Sciences and Contemporary World*, 4, pp. 31–43.

12. Tikhonova N. E. (2013) Dinamika sotsiokul'turnoy modernizatsii v Rossii [Dynamics of Sociocultural Modernization in Russia]. *Sociological Science and Social Practice*, 1, pp. 24–34.

13. Tikhonova N. E. (2018) Sootnosheniye interesov gosudarstva i prav cheloveka v glazakh rossiyan: empiricheskiy analiz [Balance of State Interests and Human Rights in Perception of Russians: Empirical Analysis]. *Polis. Political Studies*, 5, pp. 134–149.

14. Tambovtsev V. L. (2015) Mif o «kul'turnom kode» v ekonomicheskikh issledovaniyakh [The Myth of the “Culture Code” in Economic Research]. *Questions of Economics*, 12, pp. 85–106.

15. Tambovtsev V. L. (2014) Ponyatiye sotsial'no-ekonomicheskogo genotipa i sovremennyye issledovaniya v sfere menedzhmenta [The Concept of Social-Economic Genotype and Contemporary Research in Management]. *Russian Management Journal*, 12(2), pp. 117–132.

16. Frolov D. P. (2013) Metaforizm institutsionalizma: fizikalizm vs biologizm [Metaphorism of Institutionalism: Physicalism vs Biologism]. *Terra Economicus*, 11(3), pp. 34–51. DOI: 10.24412/2410-4531-2013-3-34-51.

17. Maiminas E. Z. (2016) Sotsial'no-ekonomicheskiiy genotip obshchestva (1989) [Socio-economic Genotype of a Society (1989)]. *Moscow University Economics Bulletin*, 4, pp. 186–204.

18. Ivashkovsky S. N. (2011) *Ekonomika i etika: istoriya neprostrykh vzaimootnosheniy* [Economics and Ethics: A History of Difficult Relationships]. *Economic Policy*, 3, pp. 114–141.

19. Danilov Y. A. (2023) Tipy kapitalizma [Types of Capitalism]. *Journal of New Economic Association*, 3, pp. 150–170.

20. Ignatova T. V., Cherkasova T. P. (2011) *Institutsional'nyye kontseptsii ekonomicheskogo rosta i ikh modernizatsii* [Institutional Concepts of Economic Growth and Their Modernization]. *State and Municipal Administration Scientific Notes*, 2, pp. 57–67.

21. Karnyshev A. D., Ivanova E. A., Karnysheva O. A. (2017) *Priroda ekonomicheskogo patriotizma i grazhdanskogo sotrudnichestva: etnopsikhologicheskiye aspekty* [The Nature of Economic Patriotism and Civil Cooperation: Ethnopsychological Aspects]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.

22. Berger P., Luckman T. (1991) *The Social Construction of Reality*. London: Penguin Books.

23. Koryttsev M. A. (2005) Potrebnost' v al'ternative [The Need for an Alternative]. *Economic Herald of Rostov State University*, 3(2), pp. 132–135.

24. Radaev V. V. (2002) Uroki «finansovykh piramid», ili chto mozhet skazat' ekonomicheskaya sotsiologiya o massovom finansovom povedenii [The Lessons of “Financial Pyramids”, or What Economic Sociology Can Tell Us About the Financial Behavior of Masses]. *University of Russia*, 11(2), pp. 39–69.

25. He Ch. (2012) *Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement*. Berlin; Heidelberg: Springer.
26. Zaostrovtssev A. P. (2020) *Polemika o modernizatsii: obshchaya doroga ili osobyie puti? [Controversy about Modernization: Common Road or Special Paths?]* St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg.
27. Inglehart R., Welzel C. (2010) *Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy*. *Reflections*, 8(2), pp. 551–555.
28. Hofstede G., Minkov M. (2013) *The Values Survey Module 2013 (VSM 2013)*. Manual. URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (access date: December 16, 2023).
29. Schwartz S. (2014) Chapter 20 – National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // V. Ginsburgh, D. Throsby (Eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture*. Elsevier, 2, pp. 547–586.
30. Buss A. (1989) *The Economic Ethics of Russian-Orthodox Christianity: Part 1*. *International Sociology*, 3, 235–258.
31. Powell J. (2023) *The Instrumentality of Ceremonial Habits of Thought*. *Journal of Economic Issues*, 57, 2, pp. 423–431.
32. Durkheim E. (1998) *Elementarnyye formy religioznoy zhizni [Elementary Forms of Religious Life]* // *Mysticism. Religion. Science. Classics of World Religious Studies*. Anthology. Moscow.
33. Freud S. (1927) *The Future of an Illusion* // *The Freud Reader*, P. Gay (Ed.). New York: W. W. Norton & Company, Inc., pp. 685–722.
34. Hobsbawm E. (2000) *Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914* // *The Invention of Tradition*, E. Hobsbawm, T. Ranger (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, pp. 263–309.
35. Veblen T. (1922) *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N.Y.: B. W. Huebsch.
36. Galbraith K. (1973). *Economics and the Public Purpose*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
37. Tawney R. (2010) *The Acquisitive Society*. New York: Harcourt, Brace and Company.
38. Veblen T. (1918) *The Instinct of Workmanship*. N.Y.: B. W. Huebsch.
39. Mitchell W. (2010) *The Rationality of Economic Activity (Continued)*. *Terra Economicus*, 8(1), pp. 96–108. DOI: 10.24412/2073-6606-2010-1-96-108.
40. Veblen T. (1961) *The Place of Science in Modern Civilisation* // *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen*. N.Y.: Russel & Russel, pp. 1–31.
41. Veblen T. (1904) *The Theory of Business Enterprise*. New York: Charles Scribner's Sons.
42. Veblen T. (2015) *Khristianskaya moral' i konkurentnaya sistema [Christian Morals and the Competitive System]*. *Ideas and Ideals*, 7(4.1), pp. 167–178.
43. Waller W. (1987) [Ceremonial Encapsulation and Corporate Cultural Hegemony]. *Journal of Economic Issues*, 21(1), pp. 321–328.
44. Mitchell W. (2009) *Ratsional'nost' ekonomicheskoy deyatelnosti [The Rationality of Economic Activity]*. *Terra Economicus*, 7(4), pp. 80–88. DOI: 10.24412/2073-6606-2009-4-80-88.
45. Commons J. (2012) *Institutsional'naya ekonomika [Institutional Economics]*. *Terra Economicus*, 10 (3), pp. 69–76. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-3-69-76.
46. Latsis J. (2010) *Veblen on the Machine Process and Technological Change*. *Cambridge Journal of Economics*, 34 (4), pp. 601–615.

47. Waller W. (2022) Institutions, Technology, and Instrumental Value: A Reassessment of the Veblenian Dichotomy // *Institutional Economics*, Ch. Whalen (Ed.). *Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Routledge, pp. 19–48.
48. Ayres C. (1935) *The Gospel of Technology // American Philosophy Today and Tomorrow*, H. Kallen, S. Hook (Eds.). New York: Lee Furman, pp. 25–44.
49. Ayres C. (1946) *The Divine Right of Capital*. Boston, MA, Houghton Mifflin.
50. Ayres C. (2021) *The Theory of Economic Progress. A Study of the Fundamentals of Economic Development and Cultural Change*. Association for Evolutionary Economics.
51. Mayhew A. (1998) On the Difficulty of Evolutionary Analysis. *Cambridge Journal of Economics*, 22, pp. 449–461.
52. Vernikov A. V. Kurysheva A. A. (2024) Ot teorii k empirike i obratno: nedorazumeniye vokrug «dikhotomii Veblena» [From Theory to Empirical Studies and Then Back to Theory: Clearing the Misunderstandings Around the Veblenian Dichotomy]. *Russian Journal of Economics and Law* (In Print). DOI: 10.13140/RG.2.2.11522.45763/6.
53. Gorshkov A. V. (2011) Russkiye poslovitsy i pogovorki kak vyrazheniye natsional'noy ekonomicheskoy kul'tury [Russian Proverbs and Sayings as an Expression of National Economic Culture]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 36, pp. 28–30.
54. Vernikov A. V., Kurysheva A. A. (2023a) Otnosheniye k zhizni ne po sredstvam v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Living Beyond Means as Reflected in Old Russian Proverbs]. *Journal of Economic Sociology*, 24 (3), pp. 33–57.
55. Vernikov A.V, Kurysheva A. A. (2023b) Russkaya traditsionnaya ekonomicheskaya kul'tura s tochki zreniya kontseptsii Veblena o povedencheskikh ustanovkakh [Traditional Economic Culture of Russians Through the Lens of Thorstein Veblen]. ResearchGate Preprint No. 374947330. https://www.researchgate.net/publication/374947330_Traditional_economic_culture_of_Russians_through_the_lens_of_Thorstein_Veblen
56. Treivish A. (2023) Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space. *Regional Research of Russia*, 13(1), pp. 6–33.
57. Raskov D. E. (2012) *Ekonomicheskiye instituty staroobryadchestva* [Economic Institutions of the Old Believers]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University.
58. Zabaev I. V. (2007) Motivatsiya khozyaystvennoy deyatel'nosti v etike russkogo pravoslaviya [Economic Motivation and the Ethics of Russian Orthodoxy]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, pp. 149–160.
59. Vinogradsky V. G. (2018) Krest'yanskiye ustnyye povesti: opyt diskursivnogo chteniya [Peasant Oral Stories: The Experience of Discursive Reading]. *The Universe of Russia*, 27(1), pp. 90–113.
60. Makhrova M. V., Kuznetsov V. P. (2006) Nalogi v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Taxes in Russian Proverbs and Sayings]. *Bulletin of the Orenburg State University*, 11, pp. 88–92.
61. Verkhovin V. I. (2001) Modeli ekonomicheskogo povedeniya i ikh verbalizatsiya v russkom narodnom fol'klore [Models of Economic Behavior and Their Verbalization in Russian Folklore]. *The Universe of Russia*, 10(1), pp. 106–124.
62. Kruglova E. L. (2023) Ekonomicheskiye stereotipy rossiyskikh semey cherez prizmu poslovits i pogovorok [Economic Stereotypes of Russian Families Through the Prism of Proverbs and Sayings]. *Sociodynamics*, 7, pp. 30–41.
63. Karachina O. E. (2015). Dolg v russkikh i angliyskikh paremiyakh [Debt in Russian and English Proverbs]. *National Association of Scientists*, 6-3, pp. 67–70.

64. Mestnikova A. B. (2005) Etnokul'turnyye aspekty predprinimatel'stva i zanyatosti naseleniya v Respublike Sakha (Yakutiya) [Ethnocultural Aspects of Entrepreneurship and Employment in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Journal of Economic Sociology*, 6(3), pp. 47–69. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3/26592608.html> (Access date: 26.11.2023).

65. Kononenko R. V. (2022) Traditsiya kak inklyuziya. Resursy sotsiokul'turnoy integratsii v narodnoy kul'ture [Tradition as Inclusion. Resources of Socio-Cultural Integration in Folk Culture]. *The Journal of Social Policy Studies*, 20(4), pp. 573–590. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-4-573-590.

66. Amosov A. I. (2022) Rossiya pered vyzovami istorii: poisk otvetov [Russia Facing the Challenges of History: Searching for Answers] // *Economic and Technological Modernization of Russia: Lessons from History and Modern Challenges*, Akhapikin N. Y. (Ed.). In Memory of D. E. Sorokin. Moscow: Institute of Economics of the RAS, pp. 51–72.

A. V. Vernikov⁸, A. A. Kurysheva⁹. Is It True That National Economic Traditions Hinder Development? (Institutional Approach). We examine the Russian academic discourse on the interplay between national traditions, on the one hand, and economic development and technological innovation, on the other. Over the recent decades, Russian economists and sociologists have spread biased views on core values of Russian people. This was largely due to the sociocultural and political context. An inversion occurred, resulting in erroneous perception of any tradition as archaic, obsolete and unfavorable for economic development, whilst technology, progress and modernization appeared as socially warranted, beneficial and desired, regardless of their moral and ethical effects. Russian Orthodoxy, along with the labor practices and ethics of the Soviet period, were labeled as “unproductive”, that is, slowing down progress and hindering economic development. Intentional misrepresentation of patterns related to Russian archetypes became a kind of a ‘new mainstream’. Our study points to the weakness of certain theoretical arguments and their respective empirical ‘proofs’ aimed at discrediting the cultural traits of Russians overall. Institutional and sociologist theories did not oppose customary conduct to technological progress. There is a range of qualitative studies by ethnologists, anthropologists, psychologists and economic sociologists which provide a positive assessment of traditional institutions, ethical norms and customs of Russian people. Currently, it takes an unbiased view of the national economic culture to balance the self-defeating discourse which persisted for decades among Russian scholars who called for a complete re-programming of people’s minds in order to ensure economic change.

Keywords: economic tradition, custom, culture, basic values, academic discourse, expert discourse, institutional economics, development.

---

⁸ *Andrey V. Vernikov*, Leading Research Fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky pr., Moscow, 117218, Russia), Doctor of Economics, e-mail: vernikov@inecon.ru

⁹ *Anna A. Kurysheva*, Leading Research Fellow at the Research Laboratory for Institutional Analysis of Economics, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya ul., Rostov-on-Don, 344006, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: vesta11@list.ru